

ориентации различных групп населения города. Из анализа, проведенного в этом разделе, следует также, что становление и функционирование современного «универсального» типа городской семьи в значительной мере связано с местной этнокультурной традицией. Большую ценность для исследования этнических особенностей семьи имеет и прослеженная автором связь между составом семьи и характером внутрисемейных отношений, что существенно дополняет наши знания о влиянии социально-профессионального статуса членов семьи на эти отношения, а также позволяет сделать ряд других выводов.

Тему семьи продолжает раздел, посвященный становлению современной свадебной обрядности. Прежде всего здесь следует отметить четкое выделение ключевых компонентов традиционного армянского свадебного обряда, что позволяет судить, насколько полно бытует обрядность свадебного цикла в современной городской культуре, а также о сосуществовании современных и традиционных свадебных обрядов. Важная заслуга автора в распределении брачных пар по времени вступления в брак и соотношении бытующей формы обрядности с определенными историческими периодами становления социалистической культуры в Армении.

Важное значение для разработки этносоциологии города имеют сюжеты двух заключительных разделов книги: «Некоторые черты национальной психологии» (автор — Р. С. Оганджян) и «Управляемое свободное время и его роль во всестороннем развитии личности» (автор — А. А. Овсепян). В первом из этих разделов предпринят углубленный анализ функционирующих в культуре Еревана этнических авто- и гетеростереотипов. В целом удачно выявлена роль уже отмеченных в других исследованиях факторов распространения этнических стереотипов. Хотелось бы, однако, отметить, что предмет национальной психологии не исчерпывается изучением этнических стереотипов и, более того, степень распространенности этих стереотипов вряд ли составляет этническую особенность того или иного народа. Представляется, что лучше было бы дать разделу соответствующее его содержанию название.

Сюжет последнего раздела — об этнических аспектах использования свободного времени — все-таки слабо разработан в этносоциологии, несмотря, как это ни парадоксально, на обилие социологических работ по этой проблематике. Видимо, это обстоятельство, а также отсутствие соответствующего эмпирического материала помешали сделать достаточно значимые выводы. В названном разделе много внимания уделено анализу используемых терминов.

Нельзя не сказать о некоторых недостатках книги. В ней практически не рассматриваются инонациональные группы, живущие в Ереване, и недостаточно привлекается сопоставимый материал по столицам других союзных республик. Поэтому содержание книги не позволяет в полной мере судить о том, имеют ли процессы, происходящие в Ереване, этноспецифический характер или они часть какого-то более общего социального процесса.

В целом опубликованная книга — один из первых опытов интенсивного изучения современного города с позиций этносоциологии и, несомненно, послужит ценной базой для дальнейшего развития такого рода исследований.

И. М. Кузнецов

Историко-этнографический атлас Прибалтики. Земледелие. Вильнюс. 1985. 140 с. 54 карты.

Этнографическое картографирование — современный эффективный метод изучения традиционной народной культуры. В силу своей специфики — пространственно-временного изображения культурно-бытовых реалий картографический метод позволяет установить закономерности локализации явлений культуры и особенности их функционирования, недоступные выявлению другими методами и историческими дисциплинами. Настоящие потребности этнографической науки и вызвали к жизни этнографическое картографирование и создание историко-этнографических атласов.

В настоящее время ведутся работы над составлением региональных атласов Кавказа, Молдавии, Средней Азии и Казахстана. Вступила в стадию завершения подготовка «Историко-этнографического атласа Прибалтики» (в нескольких выпусках), главным редактором которого была Л. Н. Терентьева. Он готовился большим коллективом этнографов академических институтов, университетов и музеев Прибалтийских республик и Института этнографии АН СССР. Первый выпуск его — «Земледелие» — вышел в свет. Карты атласа созданы на основе широкого использования всех доступных фактических материалов, как экспедиционных, так и архивных, литературных и музейных источников, которыми Прибалтика особенно богата.

Авторы рецензируемого атласа в основном придерживались принятых в советской исторической науке принципов этнографического картографирования, с успехом апробированных, например, в историко-этнографическом атласе «Русские» (М., 1967; М. 1970).

Показ исторической динамики традиционной культуры достигается градацией излагаемого материала по двум периодам: середина XIX в., конец XIX — начало XX в. Из-за отсутствия репрезентативной базы источников хронологический срез середины XIX в. для некоторых элементов агрокультуры отсутствует, и большинство карт рассматриваемого выпуска относится к периоду конца XIX — начала XX в. Карта 37 выходит за хронологические рамки атласа, так как на ней отражено распространение:

способов ручного помолы зерна не только в конце XIX — начале XX в., но и в 1930-х годах.

Весьма ценно, на наш взгляд, наличие в атласе карт (карты 5, 6, 9, 20 и др.), составленных по данным сельскохозяйственной переписи 1910 г. и отражающих уровень оснащенности крестьянских хозяйств новой техникой.

Для показа на картах степени распространенности исследуемых явлений употребляется общепринятая градация: «преобладающее», «бытующее», «единичное».

За территориальную единицу картографирования на местности в атласе Прибалтики принят квадрат со сторонами в 25 км, в то время как в атласе «Русские», готовящемся Историко-этнографическом атласе татарского народа и некоторых других — уезд или волость. Такое решение имеет определенные недостатки, но для задач картографирования Прибалтики, где в прошлом размеры волостей и уездов, а также приходов значительно варьировали, выбранный принцип оправдан. К сожалению, в атласе нет административной карты с волостями и приходами, что весьма затрудняет чтение текста с соответствующими ссылками. Следовало бы восполнить этот пробел в следующих выпусках.

Карты составлены преимущественно значковым способом, некоторые выполнены способом ареалов, точнее показывающим распространение элементов культуры. Некоторые этнографические явления, имеющие точные количественные характеристики, отображены на картограммах. Часть штриховых и цветных карт отражает фазу, ареал и степень распространенности явления. В отдельных случаях применялось сочетание нескольких способов, например значкового и цветного фона. Удобно, что в рассматриваемом выпуске атласа типы и виды этнографических феноменов во многих случаях изображены непосредственно на картах. Картам, отражающим основную тему выпуска, предшествует несколько вводных карт.

Атлас охватывает территорию трех Прибалтийских советских республик, которые в основных чертах совпадают с границами расселения эстонского, латышского и литовского этносов. Здесь же проживают русские, немцы, евреи и др. Этнический состав региона представлен на вводной карте III. Сложный характер этногенетических и этнокультурных процессов в регионе отразился в том, что, по данным традиционной культуры, эта историко-культурная область подразделяется еще на 12 историко-культурных подобластей. Такое этнографическое членение региона, установленное в ходе многолетних трудов прибалтийских этнографов, дано на вводной карте II. Для генезиса и особенностей функционирования агрокультуры важнейшее значение имела экологическая среда, поэтому в атлас закономерно включены карты почвенного (карта IV) и растительного покровов (карта V).

Первая глава выпуска — «Обработка почвы и сев» — самая большая по объему (с. 20—62, карты 1—11). В ней рассматриваются важнейшие агротехнические операции: пахота, боронование, сев, прикатывание пашни, а также основные типы, виды и варианты пахотных и разрыхляющих орудий, катков для уплотнения почвы. Отдельный раздел отведен характеристике рабочего скота.

Разработка типологии почвообрабатывающих и посевных орудий проведена авторским коллективом с учетом классификации русских пахотных орудий, разработанной в трудах Д. К. Зеленина¹, Д. В. Найдич-Москаленко² и принятой в атласе «Русские»; учтены также работы Б. Братанича³ и Ф. Шаха⁴. Картографируемый в атласе материал строго типологизован, обоснование типологии дано в тексте, на рисунках типологических таблиц и в легендах собственно карт.

Достоинством рецензируемого атласа, несомненно, являются развернутые вводные очерки истории земледелия и отдельных его элементов с древнейших времен до середины XIX в., т. е. до того периода, который уже непосредственно рассматривается авторами атласа. Приведенные данные показывают, что земледелие в Прибалтике прошло тот же путь развития, что и в других районах лесной зоны Восточной Европы.

В разделе об усовершенствованных пахотных орудиях авторы справедливо отмечают недостатки сельскохозяйственной статистики 1910 г.⁵, где часть местных орудий была занесена в графу «косули», т. е. орудия, в отличие от восточных губерний России в Прибалтике неизвестные. На этом основании при составлении табл. 1 и карты 5 (соотношение традиционных и усовершенствованных пахотных орудий) авторы включили их в графу «неустановленные орудия». Как известно, в Среднем Поволжье и Приуралье при статистических обследованиях в разряд «косули», как правило, включались усовершенствованные сохи-односторонки с неподвижной полицей или отвалом плужного типа (вятская соха, лемех, чегандинка, курашайма и др.). Такие орудия имели асимметричную рабочую часть и пахали на одну сторону, т. е. были «косыми» (отсюда и «косуля»). Обращает на себя внимание тот факт, что наивысший по Прибалтике процент «косуль» характерен для Сувалкской губ., где как раз и была распространена соха с двумя асимметричными неподвижными полицями-отвалами («ли-

¹ Зеленин Д. К. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1908.

² Найдич-Москаленко Д. В. О принципах классификации русских пахотных орудий // Сов. этнография. 1959, № 1.

³ Bratanič B. Einige Möglichkeiten zur Fortführung der Pflügeratsforschung // Actes du IV-e Congrès international des sciences anthropologiques et ethnologiques. Wien, 1955.

⁴ Sach Fr. Proposal for the Classification of Pre-Industrial Tilling Implements // Tool and Tillage. V. 1. Copenhagen, 1968.

⁵ Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 году. СПб., 1913.

товская соха»). Можно полагать, что «неустановленное орудие» здесь представляло собой именно «литовскую соху».

Во второй главе (карты 12—27), где рассматриваются орудия и приемы жатвы, сенокоса, укладки снопов и т. п., картографируемому материалу предшествует археологический очерк и типология археологических форм орудия (на основе классификации Р. С. Минасяна)⁶. В середине XIX в. озимые убирали в Прибалтике по большей части серпом, а также полукосой с грабельками и косой-литовкой. Формы серпа встречались в Прибалтике двух типов: на большей части территории — восточно-европейский крутоизогнутый черенковый серп и слабоизогнутый серп с гладким лезвием в северо-западной Эстонии, проникший сюда из сопредельных районов Финно-Скандии. Типология серпов дается по В. П. Левашевой с учетом разработок К. Вилкуна⁷. В конце XIX — начале XX в. под влиянием интенсификации сельскохозяйственного производства серп вытесняется косой с длинной рукоятью (известной в других районах России как коса-литовка). Интересно местное орудие уборки хлебов — небольшая так называемая полукоса с грабельками. Кое-где употреблялась коса с дужкой или грабельками («крюк»).

Относительно влажный климат Прибалтики обусловил господство здесь островерных кладей снопов типа бабки (наряду с *сулоном*), характерных для всей лесной зоны Восточной Европы. Та же причина предопределила развитие в регионе разнообразных сборных конструкций для проветривания и сушки хлебов, сена и клевера. Картографирование этих способов сушки урожая на поле дает дополнительные материалы к дальнейшей разработке этнографических границ внутри региона.

В главе III (карты 28—36) рассматриваются приемы и способы приспособления для молотбы и веяния. В большинстве районов Прибалтики озимые и яровые хлеба молотили обычными для лесной и лесостепной зон способами: цепами, топтанием лошаадьми и молотильными катками. В Эстонии до начала XX в. сохранялся древний способ молотбы хлестанием с последующим обмолотом *кичигой*. Для хлестания здесь бывали такие своеобразные приспособления, как молотильные скамьи.

Веяние и сортировку зерна в Прибалтике производили двумя способами: в Эстонии, на большей части Латвии и в Северо-Западной Литве — посредством решета; кое-где на востоке Эстонии, в Латвии, (в Латгалии и Литве — бросанием совком, т. е. как и в восточных губерниях Европейской России. В зонах контактов этих двух способов веяли обычно через решето с последующим бросанием.

В IV главе (карты 37—43) рассматриваются различные типы и виды мельниц: ручные жернова, водяные и ветряные мельницы. С конца XIX в. начинают внедряться мельницы с механическими двигателями, а ручные жернова к 20—30-м годам XX в. выходят из употребления. На рубеже XIX—XX вв. в Прибалтике были широко распространены водяные мельницы как с верхнебойными, так и с нижнебойными колесами. Авторы раздела выделяют в самостоятельную группу водяные мельницы со среднебойным колесом (с. 107), что представляется неправомерным, так как среднебойные и нижнебойные колеса использовали энергию набегавшего потока воды (наплывное колесо) и по характеру работы и конструкции между собой принципиально не различались. Не случайно, что сами информаторы-крестьяне не отделяли среднебойные колеса от нижнебойных (с. 106). Не различаются они и на карте 41.

Последняя, V глава (карты 44—54) посвящена льноводству — возделыванию и обработке льна — древнейшей и традиционной для Прибалтики технической культуры. Следует отметить, что написание данного раздела (отсутствующего, кстати, в атласе «Русские») потребовало от ее авторов больших усилий, так как эта тема была до сих пор в Прибалтике очень слабо разработана. Между тем она очень важна: со 2-й половины XIX в. льноводство в Прибалтике приобретает товарный характер; в начале XX в. посевы льна в Лифляндской губернии занимают до 19% ярового клина. Соответственно развивались технология выращивания льна, его сушка, молотбы, обработка волокна и т. д. Все эти способы и приемы, а также конструкции льномялок и льнотрепал подробно рассматриваются в атласе.

Материалы атласа наглядно показывают, что земледелие в Прибалтике, особенно в конце XIX — начале XX в., находилось в тесной зависимости от развития капитализма в регионе. В это время в сельское хозяйство интенсивно внедряются усовершенствованные сельскохозяйственные машины, сенокосилки, молотилки и т. п. Данный процесс наглядно иллюстрируется картами атласа (9, 20, 27, 35 и др.): все нововведения локализируются в одних и тех же районах Прибалтики.

Однако в целом земледельческая культура крестьян региона в рассматриваемый период все еще сохраняла традиции, во многом достаточно древние. Материалы атласа свидетельствуют, что многие элементы агрокультуры характерны для всей лесной зоны Европейской России, подтверждая тем самым, что по хозяйственно-культурному типу Прибалтика принадлежала к земледельцам лесной полосы Восточной Европы. Отмечаются, с одной стороны, явления, которые имеют чисто региональное происхождение и возникли в Прибалтике, с другой — заимствованные как из Восточной, так и Западной Европы и со Скандинавского полуострова.

В настоящем выпуске подробно и всесторонне картографированы многие явления и элементы агрокультуры народов Прибалтики. Однако отдельные важные аспекты

⁶ Минасян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // Археологический сборник. Т. 19. Л., 1978.

⁷ Левашева В. П. Сельское хозяйство: очерки по истории русской деревни X—XII вв. // Тр. ГИМ. 1956. В. 32. С. 19—105; Vilkuna K. Zur Geschichte der finnischen Sichel // Suomen Muinaismaistoyen distyksen Aikakanskirja. В. 40. Helsinki, 1934. S. 223—272.

земледелия, такие, как состав выращиваемых сельскохозяйственных культур, огневая сушка снопов и др., в картах атласа не отражены.

Атлас содержит продуманные и технически хорошо выполненные карты, текст сопровождается многочисленными фотографиями и детальными рисунками. Тем досаднее отдельные неточности и несоответствия между картами, рисунками и подписями к ним. Так, на карте 1 перепутаны подписи к рисункам 3, а и 3, б (в типологической таблице), то же — нумерация рисунков в типологической таблице на карце 4 (рис. III—16 и III—2). Неверна ссылка на с. 90 текста на карту 29 и т. д. На наш взгляд, плохо продуманы подписи к рисункам в тексте. В ряде случаев подписи к нескольким рисункам объединены в один текст, а сами рисунки не снабжены порядковыми номерами. В результате не всегда легко понять, что к чему относится. Например, на с. 69 на одном рисунке изображены два типа серпов, даны они как два рисунка — 46 и 47; около серпов обозначены только дважды подномера 1—4; на с. 25 под № 154 и 155 идут три изображения мялок с дощатым корпусом и т. п.

Пользование картами затрудняет то обстоятельство, что большая часть черно-белых карт отпечатана на обеих сторонах листа. Несомненно, карты следовало давать в жесткой папке. Для таких работ, как атласы, разумнее идти на некоторое увеличение их стоимости, но продлить срок службы карт, тем более, что сборник предназначен не только для личного пользования, но в значительной части тиража приобретает библиотеками.

В целом атлас — образец многолетнего плодотворного труда большого коллектива советских этнографов. В настоящем выпуске его с достаточной полнотой, детальностью и наглядностью представлена традиционная агрокультура крестьянства Прибалтики. Особую ценность настоящей работе в отличие от монографических исследований придает картографированный свод элементов и явлений агрокультуры Прибалтики, выявляющий взаимосвязанные локальные и ареальные особенности ее сложения и функционирования. Обоснованная и подробно разработанная типология основных элементов земледельческой культуры, убедительные ретроспекции с привлечением археологических и других ранних источников в сочетании с данными картографирования позволяют проследить происхождение и развитие многих орудий, способов и приемов ведения земледельческого хозяйства. Широко развернута панорама интенсивных изменений агрокультуры и земледельческой техники во второй половине XIX — начале XX в., инспирированных распространением капитализма в сельском хозяйстве Прибалтики.

Одну из главных задач авторы атласа видели в создании необходимой базы для стимулирования и обеспечения дальнейших исторических, этнографических и культуроведческих исследований (с. 131). Настоящий выпуск со всей очевидностью свидетельствует, что поставленная цель выполнена вполне. Некоторое недоумение вызывает малый тираж атласа — 3000 экз. Этого вряд ли достаточно, даже если бы он был рассчитан на распространение только в Прибалтийских республиках. Насколько нам известно, тираж давно разошелся, и достать атлас стало невозможно почти сразу после его выхода. Не хотелось бы, чтобы это повторилось с последующими выпусками.

Н. А. Халиков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Г. Е. Светлов. *Путь богов (синто в истории Японии)*. М. 1985. 240 с. 8 л. илл.

Рецензируемая книга, посвященная религиозной жизни и обрядам японцев, не первая работа Г. Е. Светлова о синтоизме, но в ней предмет изучения освещен наиболее глубоко.

Генезис и развитие синтоизма рассматриваются Г. Е. Светловым в широком контексте экономической и политической истории Японии, что намного повышает исследовательскую ценность книги.

Г. Е. Светлов правильно подчеркивает связь синто с политикой господствующих классов, связь, которая уходит в глубину веков, пишет об опасности, таящейся в использовании синтоистских традиций для обоснования ультра националистических и гегемонистских целей. Однако в период зарождения японской государственности и осуществления незавершенной буржуазной революции Мэйдзи, проходившей под лозунгом восстановления власти императора, синто сыграло до известной степени прогрессивную роль.

В книге аргументированно показан синкретический характер синтоизма, впитавшего в себя не только разнородные по своему этническому происхождению местные культы, но и пришедшие из Китая сначала даосизм, а затем конфуцианство, из Индии — буддизм и т. п.

Намеченная автором линия в изучении генезиса и основных ингредиентов синтоизма обращает на себя внимание в связи с тем, что в последние годы этой религии уделяется большое внимание в Японии и Китае. Поэтому было бы актуально, если бы в книге было сказано о даосских истоках некоторых синтоистских реликвий. Сравнительно недавно стало известно, что в ритуале даосов Древнего Китая одно из них — священное бронзовое зеркало выполняло функцию шахматно-гадательно-календарной доски. С магическим кругом на этой доске, по-видимому, связана и сферическая форма кургана, где была захоронена легендарная жрица Химико, которая рядом япон-